

*Вячеслав МУНТЯН,
Александр РОДИОНОВ*

Западные советологи о русском национальном движении

Современная действительность опрокинула благодушные построения нашего обществоведения относительно «развитого» социализма, вынудив его даже несколько «поступиться принципами»: были отменены выпускные экзамены по истории в школе (словно истории уже больше не стало), а «история КПСС» переименована в «политическую историю». Однако кроме этих, скорее курьезных, нежели эволюционных перемен отклик общественных наук на современную действительность ничем иным, пожалуй, не означился (если не считать тенденции к самобичеванию). Их состояние в настоящее время можно охарактеризовать как состояние растерянности перед тем социально-политическим и экономическим кризисом, в котором оказалась наша страна. Эта ситуация делает особенно чувствительным торжество советологии, давно нам прочившей нечто подобное. Она же (ситуация) призывает нас если не к примирению с нашим давним идеологическим противником, то по меньшей мере к признанию или легализации научной значимости советологии, т. е. призывает нас обратиться к новому мышлению, свободному от идеологической конфронтации.

Мы рассмотрим лишь одно направление советологических исследований, значение которого, на наш взгляд, еще недостаточно оценено советскими учеными — проблемы русского национального движения. Преимущественный интерес для нас представляют здесь три аспекта исследований: 1) место и роль русского национального движения в нынешней социально-политической ситуации Советского Союза; 2) социально-классовый состав участников движения, их мировоззренческие позиции, организационные формы и особенности политического поведения; 3) характеристика тенденций его развития.

Говоря о причинах активизации русского национального движения, все авторы сходятся на том, что демократизация и гласность стали катализатором развития и вызревания национального самосознания в нашей стране. В частности, Ж. Рюпник отмечает, что национальное движение

Мунтян В. В. — кандидат юридических наук.

Родионов А. И. — кандидат исторических наук. Оба — члены Межведомственного научного совета по изучению национальных проблем Президиума АН СССР.

явилось «побочным продуктом краха официальной марксистской идеологии и реакцией на реформы, проводимые Горбачевым»¹. У. Лакер отводит национальному вопросу целый раздел своей новой книги, где пишет, что гласность в условиях политической нестабильности Советского Союза сама становится жертвой политических страстей и перестает быть средством урегулирования общественных противоречий, а тем более проводником «взятого московским руководством твердого курса»². Он отмечает трудность самоопределения России: «Куда идешь, Россия? «Камо грядеши?» — выражаясь языком православной церковной литургии. Когда-то ответ казался простым. Россия была одной из самых предсказуемых стран. Но в настоящее время таковой она уже не является»³.

Другой причиной появления русского национального движения, по мнению западных советологов, является экономическое и политическое положение России в ряду других республик Советского Союза. По справедливому замечанию обозревателя «The Independent», «в настоящее время Советский Союз имеет одну отличительную особенность, которая в свое время была характерна для Оттоманской империи — его периферия развита лучше, чем центр»⁴.

Не последнюю роль в создании такой ситуации, отмечает В. Куллу-дон, сыграла, как ни странно, политика русификации, ибо она, по существу, нивелировала суверенитет России, растворив его в общесоюзных структурах. Таков был, по его мнению, результат решения национального вопроса в «вертикальном порядке»⁵. И такое мнение является довольно распространенным.

Во многих работах отмечается, что проповедь «культуры интернационализма», «семьи народов», в которой «великий русский народ» играл роль «старшего брата», привела в ряде случаев к социально-экономической незащищенности русских. В этой связи П. Кокберн пишет: «Проблема, стоящая перед русскими, вызвана тем, что на протяжении долгого времени их национальная политика способствовала экономическому и социальному росту наиболее отсталых республик, но в ущерб русским территориям, составляющим сердцевину хозяйства»⁶.

Поэтому вопрос о государственном статусе и суверенитете России рассматривается в советологической литературе как центральный. Дискутируется структура будущего государственного устройства, предлагаются новые формы взаимоотношений со всеми национальными регионами страны на демократической основе. А некоторые, как например Э. д'Анкос, считают, что Россия в интересах собственного спасения «должна отделиться»⁷. Совсем в духе В. Распутина и А. Солженицына. При этом, однако, отмечается, что «большая автономия России, возможно, выразится и в более значительной роли, которую будут играть на международной арене нерусские нации Советского Союза»⁸. Прежде всего под этим имеют в виду вероятность распространения исламского фундаментализма.

Подтверждение тому находят в демографической ситуации Советского Союза. Если С. Анвар и К. Попп считают, что только к 2000 г. нынешнее

¹ «Politique étrangère», 1990, № 2, p. 237.

² L a q u e r W. The Long Road to Freedom. Russia and Glasnost. New York, 1990, p. 15.

³ Ibid., p. 15—16.

⁴ «The Independent», November, 26, 1988.

⁵ C o u l l o u d o n V. Nationalites: Unite et diversite. «Politique étrangère», 1989, N 2, p 247—252

⁶ C o c k b u r n P. Dateline USSR: Ethnic Framors. «Foreign Affairs», 1989, Spring, No. 74, p. 168.

⁷ Д'А н к о с Э Увидеть реальную опасность. «Московские новости», 1989, № 30.

⁸ G e r h a r d Simon. Nationalismus und der UdSSR die Zrenze. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 26.08.1988.

этническое русское большинство превратится в 48-процентное меньшинство, то Рюпник уже пишет об этом как о свершившемся факте⁹. Ему вторит и М. Бернштам: «Фактически русские не составляют уже большинства населения Советского Союза, а являются лишь самой крупной национальностью»¹⁰. Он же отмечает, что демографические процессы в России и среднеазиатских республиках взаимосвязаны. Они могут привести к существенному изменению структуры рабочей силы, что, в свою очередь, чревато двумя последствиями: либо «рабочие из центрально-азиатских республик могут быть направлены в славянские республики», либо станет «необходимым перераспределение новых капиталовложений и иных средств и направление их в мусульманские регионы Центральной Азии». Во всяком случае, подобное развитие демографических процессов в сегодняшней национально-политической ситуации СССР может вести только к «усилению межнациональной напряженности и оказаться преградой на пути реформ Горбачева»¹². Главное же препятствие для перестройки многие склонны усматривать в возобладании русского национализма. С. Берг высказывается на этот счет вполне определенно: «Русский национализм не только осложняет усилия по удовлетворению надежд нерусских народов, но его преобладающий консерватизм является мощной базой мобилизации оппозиционных сил в вопросе предоставления уступок нерусскому населению и проведения реформ в целом»¹³. Хотя Россия и «многонациональная империя», пишет Лакер, однако «русские националисты, пожалуй, за небольшим исключением, не собираются ее расчленять»¹⁴.

В целом же происходящее в регионах Советского Союза рассматривается как объективный исторический процесс, связанный с ростом национального самосознания и развитием государственности. Но при этом отмечается, что чем больше ситуация будет становиться неуправляемой, тем в большей степени она будет зависеть от позиции русского национального движения. Сегодня центральные парторганы СССР должны фактически эквilibрировать: «С одной стороны, русский национализм не может быть курсом партии, так как в результате в еще большей степени будут подорваны основы интернациональной идеологии, с другой — руководство партии в настоящий момент не может не учитывать интеграционную силу русского национализма»¹⁵. В том же духе высказывается и С. Диксон, утверждая, что Союз удерживается на балансе центростремительных сил нерусского национализма и центробежных сил русского национализма. Однако руководству страны, в частности М. Горбачеву, день ото дня труднее сохранять этот баланс¹⁶. Может быть, именно по этой причине никто из советологов не склонен рассматривать так называемую «русскую партию», т. е. партию, отражающую русские национальные интересы, как возможную угрозу или альтернативу центральному правительству. Тот же Лакер по этому поводу замечает, что «русская партия скорее играет роль тормоза, чем альтернативного правительства. Она отражает настроения, но не имеет четкой программы и настолько раскалывает страну, что смогла бы удержаться

⁹ P o p p C, A n w a r S. From Perestroika to Ethnic Nationalism. «International Perspectives», 1989, vol. XVIII, No. 2, p. 21—23.

¹⁰ Б е р н ш т а м М. Сколько жить русскому народу. «Москва», 1990, № 5, с. 137.

¹¹ P o p p C, A n w a r S. Op. cit., p. 21—23.

¹² Ibid., p. 22.

¹³ B u r g S. The Soviet Union's Nationalist Question. New York, 1989, p. 341—362.

¹⁴ L a q u e r W. Op. cit., p. 23.

¹⁵ G e r h a r d S. Op. cit.

¹⁶ D i x o n S. Russians: Dominant Nationality. «The Nationalist Question in the Soviet Union». London, New York, 1990, p. 22.

у власти, только применяя чрезвычайные меры»¹⁷. Он отмечает ее неоднородность, сильное размежевание по многим параметрам: по принципу глубоких политических соображений; по религиозному принципу; по отношению к Сталину; по отношению к духовному возрождению; по отношению к моральным постулатам, и т. д.¹⁸ И тем не менее все их различие не выходит, на его взгляд, за рамки «простого повторения славянофильства».

Противоречивость объединений, составляющих русское национальное движение, отмечают многие исследователи. Так, американский советолог Дж. Данлоп выделяет в нем три основные течения: 1) монархическое; 2) реставрационное; 3) антисемитское¹⁹. Н. Верт, в свою очередь, насчитывает пять школ, в которых развивается «современная интеллектуальная мысль России»:

1) «марксистская» (А. Бутенко, М. Шатров, П. Волобуев, Т. Заславская, А. Аганбегян);

2) «национал-большевистская» (Д. Волкогонов, А. Проханов);

3) «националистическая» (В. Белов, В. Астафьев, общество «Память»);

4) «экологическо-славянофильская» (В. Распутин, Ф. Абрамов, С. Залыгин);

5) «либеральная» (А. Стреляный, Б. Окуджава, Ю. Афанасьев)²⁰.

Столь сильное - размежевание русского национального движения и позволило П. Дункану заявить, что «русский национализм будет не опасен для режима до тех пор, пока остается «привилегией» враждующих между собой интеллигентов, не будучи связан с недовольством широких народных масс»²¹.

В качестве характерной черты русского национализма указывают на жупел русофобии как свидетельство отчужденности русских от западной культуры. Лакер по этому поводу замечает: «Если ненависть и имкла место, ее было немного: скорее, „происходило постоянное падение интереса ко всему русскому»²². Последнее обстоятельство находит, с его точки зрения, объяснение в том, что после второй мировой войны, когда во многих странах произошли существенные социально-политические перемены, Советский Союз во многом оставался консервативной страной и больше не привлекал, внимания прогрессивно настроенных людей на Западе.

В русле попыток советологов охарактеризовать особенности русского самосознания находится и мысль, высказанная С. Диксоном: «Основным представлением русских о самих себе является преобладание жертвенного начала, склонность к самоотречению. Считается, что духовные качества моральной чистоты и терпения вместе с физической храбростью способны преодолеть зло и хитрость»²³.

Разумеется, не остается без внимания и традиционное противоборство двух течений русской мысли — «западничества» и «славянофильства», которое проявляется, главным образом, на почве литературно-публицистических дискуссий. Для характеристики «славянофильского» направления Лакер находит такие выражения: «Они были главными организаторами кампании против алкоголизма. Все, что они говорят о распаде семейных уз и последствиях этого, соответствует действительности. Их

¹⁷ L a q u e r W. Op. cit., p. 292.

¹⁸ Ibid, p. 291.

¹⁹ D a n l o p G. The New Russian Nationalism. New York, 1985, p. 47—49.

²⁰ L'URSS de Gorbatchev. Paris, 1988, p. 17.

²¹ D u n c a n P. Ukrainians. «The Nationalist Question in the Soviet Union». London, New York, 1990, p. 93.

²² L a q u e r W. Op. cit., p. 15.

²³ D i x o n S. Op. cit., p. 21—22.

точка зрения на рок-музыку и поп-музыку разделяется критиками на Западе. Они более или менее знают, какую Россию и каких русских они не любят: модернизм, либерализм, жизнь больших городов, бюрократию, евреев, общество вседозволенности и вездесущих масонов. У них есть смутные мысли о моральном и культурном возрождении, но они не знают, как это осуществить. Они нетерпимы и склоняются к истерии, а в политике истерия может быть опасна»²⁴.

Целое направление деятельности работников культуры по предотвращению дальнейшей духовной, нравственной, социальной и *демократической* деградации русского народа в оценке известного политолога А. Янова получило наименование «молодогвардейщина», которая, по его мнению, характеризуется тем, что «в центр мировой драмы» вместо борьбы «социализма» и «капитализма» ставится совсем иная дилемма — «духовный» конфликт русского и буржуазного»²⁵. В этом же духе высказывается и Рюпник. Упомянув о таких известных писателях, как В. Солоухин, **В. Астафьев, В. Распутин, он, между прочим**, замечает, что в их трактовке «русская деревня и православная церковь представлены как хранилища истинных ценностей России, исключительная судьба и духовный мир которой противопоставляются «эре пустоты», наступившей на Западе. Высказывается раздраженность по поводу «неблагодарности» других национальностей»²⁶.

С. Герхард обращает внимание на внутреннее противоречие между самосознанием русских, являющихся носителями государственности, и их реальным государственным статусом. «Это-то противоречие,— пишет он,— и усиливает русский этнонационализм, тяготеющий к сохранению империи. Среди диссидентов были также и представители русского изоляционализма»²⁷. Заключает же он свое рассуждение следующей фразой: «С той поры, как марксизм-ленинизм перестал давать ценностные ориентиры, гордость отсталой страны позициями мировой державы, вытекающая из русского национального самосознания, стала доминирующей чертой в стране»²⁸.

Каким же видится дальнейший путь развития России? «На судьбу России,— пишет западный политолог Л. Поляков,— окажут влияние чувство православия и чувство судьбы»²⁹. Однако, по мнению Поппа и Анвара, в обозримом будущем проблемы, стоящие перед Россией, «будут носить в основном политический характер, а не касаться вопросов выживания и доминирования»³⁰.

Но здесь мы уже вступили в область прогнозов. Примечательна в этом плане одна из последних работ З. Бжезинского, озаглавленная «Посткоммунистический национализм»³¹. В ней он говорит о постепенной ливанизации СССР. Подобная ситуация может привести, чего он не исключает, к политике репрессий, основывающихся на «великорусском национализме», что, в свою очередь, «охладит демократические надежды». Возможная альтернатива связана, на его взгляд, с политикой «молчаливой пассивности», но в этом случае Россия будет неожиданно отброшена к границам XVII века. «Вероятнее всего,— заключает Бжезинский,— империалистическая Россия будет милитаристской и экспансионистской, где основной идеологией будет марксизм или попросту

²⁴ Laquer W. Op. cit., p. 22—23.

²⁵ Yanov A. The Russian Challenge: The USSR and the Year 2000. Oxford, 1987, p. 123.

²⁶ «Politique étrangère», 1990, N 2, p. 239.

²⁷ Gerhard S. Op. cit.

²⁸ Ibid.

²⁹ Poliakov L. Moscou, troisième Rome. Paris, 1989, p. 25.

³⁰ Poppe, Anwar S. Op. cit., p. 21—23.

³¹ Brzezinski Z. Postcommunist Nationalism. «Foreign Affairs», Winter, 1989/90, vol. 68, N 5, p. 1—25.

шовинизм»³². При этом он не исключает возможности образования конфедерации. Преимущество ее видится ему в том, что тогда произойдет разрыв «мистической связи между Россией как национальным государством и Россией как имперской сущностью»³³. Принцип конфедеративности не приведет, по его мнению, к разрыву связей между субъектами бывшего СССР, поскольку будет существовать необходимость в экономической кооперации и в мерах, затрагивающих систему безопасности. Возможность же конструктивного решения национального вопроса в Советском Союзе Бжезинский связывает с избавлением русских «от их мессианских комплексов, как-то: «Третий Рим» или некая «интернационалистская» ленинистская миссия, и с осознанием необходимости совместного проживания с другими нациями»³⁴.

В другой своей работе «Великий провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке» Бжезинский высказывается на этот счет более определенно: «Единственным конструктивным средством преодоления усиливаемого национальным фактором раскола Советского Союза, решением, совместимым с провозглашенными целями перестройки — экономической децентрализация и политический плюрализм,— будет не возвращение насильственным путем к имперскому советскому «союзу», а развитие в направлении подлинной советской конфедерации. Однако добровольная конфедерация, учитывая поднявшуюся волну национальных эмоций нерусских народов, уже не представляет собой, быть может, практически реального выбора. Кроме того, в любом случае отказ Москвы от контроля как в экономической, так и в политической сферах будет означать, что пришел конец «Московской Империи» и России как мировой державе»³⁵.

В самом общем виде прогнозы советологов можно сформулировать следующим образом:

1. Нельзя выработать адекватную современную политику без учета тенденций развития русского национального движения.
2. Характер последнего будет во многом зависеть от вероятности демократической альтернативы (не в горбачевском варианте) происходящему процессу экономического и идеологического распада.
3. Будущность Советского Союза во многом связывается с признанием равноправия всех населяющих его народов в качестве фундаментального принципа взаимоотношений.

Представляется, однако, что не все сказанное советологами следует принимать как истину. На наш взгляд, в исследовании ими русского национального движения преобладают описательность, фрагментарность, довлеют стереотипы прежнего времени, когда особенно часто подчеркивался момент его сращения с «национал-большевизмом».

Авторы много внимания уделяют исследованию специфики русского национального самосознания, но рассматривают его не в развитии. Поэтому от их внимания ускользает то обстоятельство, что русское самосознание переживает сейчас один из самых драматичных периодов: оказалась нежизнеспособной идея мессианского предназначения русского народа, утрачивается ощущение целостности и неделимости государственной территории — привычного атрибута имперского мышления.

По нашему мнению, дискомфортность русского самосознания будет только усиливаться в связи с тенденцией автономных республик РСФСР

³² Ibid., p. 3.

³³ Ibid., p. 19.

³⁴ Ibid., p. 25.

³⁵ Brzezinski Z. The Great Failure. The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. New York, 1989, p. 246.

к суверенитету и независимости. В самосознании русского народа присутствуют острая озабоченность проблемой безопасности страны и ответственность за ее судьбу. Кроме того, недостаточное внимание, на наш взгляд, уделяет советология интеграционному и консолидирующему потенциалу русского национального движения. К тому же не учитываются и особенности самосознания русской диаспоры в национальных республиках.

Многие зарубежные авторы связывают с русским национальным движением и русским самосознанием возможности проведения контрреформ, возрождение авторитарного режима, насильственного подавления и локализации межнациональных конфликтов. Однако, на наш взгляд, прогнозирование этносоциальных процессов является весьма сложным делом, и потому не всегда однозначные оценки могут быть верны. Важнее соотнести результаты советологических исследований с нашими текущими разработками и с реально развивающимися на территории страны процессами. Таким путем и будет реализовываться принцип состязательности в общественных науках, который позволит сконцентрировать усилия ученых, независимо от их местонахождения, на приоритетных направлениях, диктуемых жизнью. И тогда, может быть, новое мышление станет явью и для общественно-политических наук.

© В. Мунтян, А. Родионов, 1991